

вое Слово Возрождения человечеству, явится тем самым спасителем апокалипсис переживающей культуры. Преодолевая свой собственный универсальный кризис, который явился **сгустком, средоточием** кризиса всего современного человечества, Россия, таким образом выведет мир на новые пути развития, создаст и явит образец новых высших форм жизни. Спасая и возрождая себя, она спасет и возродит мир.

П. Б.

К поискам новой государственности

Историческое творчество новых высших форм культурной жизни связано с творчеством и новых высших форм государственности, как организации этой культурной жизни. Проблема государства по существу своей есть проблема порядка, строя — организации. Вне этого начала и без него возможно существование общества лишь в двух состояниях; или абсолютно несовершенном, — война всех против всех — («панархия»), но здесь как-раз и возникает необходимость в организующей государственности, чтобы предотвратить общество от гибели, или абсолютно совершенном — не нуждающемся ни в какой государственности — («анархия»). Таким образом, человеческое общество, всегда несовершенное, нуждается в постоянном регулировании и координации отдельных областей жизни и в этом смысле всегда государственно. Государство является как-бы необходимой поправкой к несовершенству общества и той силой, которая должна соответственным образом постоянно организовывать его совершенствование и жизнь. Благодаря этому своему основному свойству, государство сопутствует изначально культурной жизни на всех ее исторических ступенях, хотя с точки зрения общих человеческих ценностей оно не является основным, а лишь служебным образованием. Его роль, независимо от ее значительности — всегда подчиненная.

В зависимости очевидно, от такой потребности в государстве, как организующей силе — в катастрофические эпохи зна-

чение и об'ем государственности особенно возрастает—на протяжении истории человеческих обществ можно наблюдать два, ярко выраженных и полярно противоположных вида государственной организации. Это, во-первых, система последовательного этатизма в духе утопии Платона. Здесь значение государства имеет абсолютный характер, и его роль, регулятора жизни, является всепоглощающей, — от установления религиозных форм жизни до всех деталей в организации быта. Второй вид, свойственный эпохам в известном отношении противоположным, это система последовательного либерализма (в пределах анархизма) в самом широком смысле этого слова, в каком государству придается ничтожное значение и его роль сводится, главным образом, к охране всеобщей безопасности. — Государство «левиафан» и государство «ночной сторож». Все-же остальные типы государственности, представляют собою градации между этими двумя крайностями с уклоном в ту или другую сторону. Но, последовательный этатизм обычно ведет к построению государства деспотического характера, где оно является **верховным** регулятором общественной и культурной жизни и в силу чего им всецело поглощается и человеческая личность и общество, превращающееся в муравейник, в казарму. Либерализм и выросшая на его основе современная демократия, наоборот, внесли в жизнь в своих идеалах непреходящие ценности Свободы и Народовластия, пережив при этом небывалый пафос борьбы за раскрепощение личности человека вообще. И в этих двух моментах демократии — принципе народовластия и утверждении ценности свободы — ее строй выдерживает выгодное сравнение с бывшими до него формами феодального этатизма. Однако, преодолев ложь предшествовавшего старого государства, означенные идеи новой государственности, в ходе дальнейшего общесоциального развития под влиянием общего материалистического перерождения современной культуры и общества, выродились, точнее вытеснились, упадочными формами современной буржуазной демократии. Отвергнув принцип «божественного» происхождения власти, новая государственная организация современной демократии провозгласила

власть, как проявление воли народной, но воля народная постепенно вытеснилась классовой волей, даже хуже того — волей неодушевленной вещной реальности — капитала. Брошенная Монзолье фраза в Национальном Собрании по поводу пресловутой марки серебра о том, что Руссо не мог-бы быть избранником народа — оказалась роковой. «Деньги, должен был сказать уже в том собрании аббат Грегуйар, это — двигатель правительства, но в обществе должны снова занять свое место добродетели». Таким образом, идея Нации — Народа, как верховного повелителя в обществе, на исторических путях старой демократии подменилась фактом господства класса (буржуазии, а теперь пролетариата).

Таким образом весь опыт старой демократии показывает, что действительное народовластие невозможно на прежних путях общественной и культурной жизни и тем самым указывает на необходимость исторического творчества новых, высших, жизненных и культурных форм и построения на их основе. — **новой, подлинной демократии.**

Но помимо этого старая демократия в своем стремлении освободить человека от уз феодального государства и создать возможность его свободного творчества, перегнула палку в противоположную эгатизму сторону. Она незаконно противопоставила государству общество и в основе всего утвердила абстрактную личность, хирургически разрубив, таким образом, на три автономные сферы интересов, в действительности одну, живую, целостную реальность — **свободно организованное бытие Народа — Нации.** При этом, неизвестно почему, исключительное, подавляющее признание получили интересы личности за счет интересов и общества, и государства. Личность здесь наделяется всеми правами и принципиально никакими обязанностями. В результате — оторванная от духовно питающей ее стихии целого, не знающая никакой высшей ценности над собой, она выродилась в общественный атом, «индивид» — аморальный, безответственный, совершенно анархический, выше всего ставящий свой частный интерес. Вот почему из замысла государства, как формы, гарантирующей свободную борьбу идей, старая демократия выродилась в форму свободной

борьбы интересов, борьбы отдельных эгоизмов и всех низших страстей. А между тем, власть народа не есть только его право, но и бремя служения — обязанность. Точно также в отношении общества и государства каждая отдельная личность имеет не только права, но и обязанности; и если прежде в пору закрепощения личности старым государством уместно было ставить ударение на права, то теперь в состоянии преступного разгула индивидуальных интересов и страстей — своевременно перенести ударение с прав личности на ее обязанности. Но главное все же не в этом. Главное в той страшной опасности, перед которой стоит современная демократия, и которая заключается в том, что, продолжая связывать свою судьбу, свой принцип, свое обоснование с уже мертвыми ценностями общества и культуры, она рискует вместе с этими ценностями похоронить и самое себя.

В переходные эпохи подобные нашей, когда по **иному** устанавливаются все **основные проблемы бытия**, нужна радикальная перестановка и во взаимоотношениях ценностей.

Встает огромная проблема разделений и различий, и ее должны разрешить те, кому действительно дороги подлинные ценности демократии, чтобы по своему ее не «разрешили» враги этих ценностей. Пример хотя бы Германии дает на этот счет достаточно вразумительные иллюстрации. При очевидном банкротстве старых форм жизни, чтобы защитить основные ценности демократии, как таковой — идею свободы и принцип народовластия — необходимо отделить защиту этих ценностей от связи их со старым общественным и культурным порядком. Необходимо провозгласить их утверждение на путях осуществления **неодемократии**, связанной с формами новой высшей общественной и культурной жизни и обоснованной не на упадочном материалистическом, а на новом героическом мирозерцании. Глубоко возмущает преступная беспечность представителей старой демократии к катастрофичности переживаемой эпохи и их враждебность к поискам и чаяниям нового, лучшего строя жизни. Поглощенные мелочами повседневности, они утрачивают историческую перспективу и соответственный масштаб оценок и измерений, без которых не видны основные ли-

нии исторического развития. А между тем, именно теперь надо ориентировать не по прихотливому узору каждодневных будней, а по основным магистралям движения истории, ибо не проблема способов культурной жизни, а проблема путей, **новых путей**, встала перед современным человечеством.

.Д. Д.

Кризис христианства

Не разделяя платформы гр. Народников-Мессианистов, выраженной в декларации журнала и в частности ее религиозных установок, автор данной статьи однако считает своевременным поднятый в декларации вопрос о кризисе эмпирического христианства.

Еще и до сих пор может казаться, что христианство — океан человеческих душ. Огромные реки впадают в этот океан: католицизм, протестантство и православие. Эти реки принимают в себя свои притоки более мелких христианских религий и толков и, наконец, многочисленные притоки притоков — разные ереси, секты и братства. Еще не так давно статистика насчитывала до 250 миллионов римских католиков, до 150 миллионов протестантов всех толков и до 100 миллионов греко-православных. Значит, до 500 миллионов христиан населяет землю на 20-ом веку существования христианства. Это столько же, сколько имеется буддистов на 25-ом веку существования буддизма.

Величие этих цифр подавляет воображение. А если взглянуть на все эти реки сверху, то впечатление получается еще более грандиозное: десятки и сотни великих и малых культур христианских раскинули по берегам этих рек свои пышные и роскошные города и столицы. Из далеких исторических перспектив тянутся к небу бессмертные творения великих христианских гениев.

Величественная картина, если бы за нею, увы, не скрывалась столь же великая иллюзия и самообман...